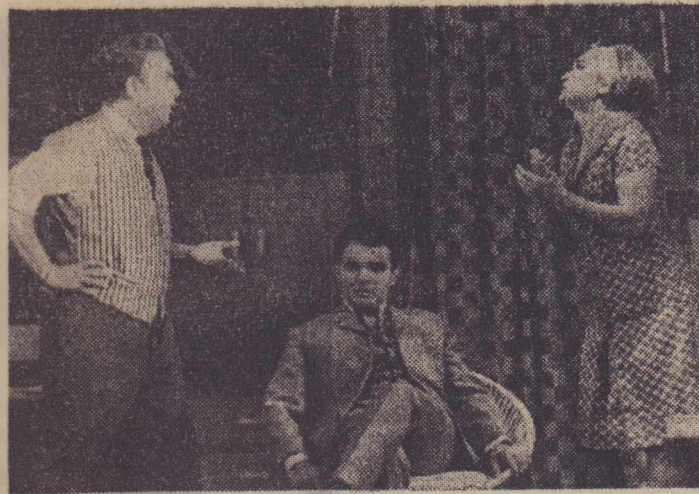

Продолжение разговора

2 СЕНТЯБРЯ НЫНЕШНЕГО ГОДА НА СТРАНИЦАХ НАШЕЙ ГАЗЕТЫ БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА СТАТЬЯ ТЕАТРОВЕДА В. КИКНАДЗЕ, В КОТОРОЙ АВТОР ПОДНИМАЛ ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ. СЕГОДНЯ, ПРЕДОСТАВЛЯЯ СЛОВО Э. ГУГУШВИЛИ, МЫ ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ПРОБЛЕМАХ, ВОЛНУЮЩИХ ГРУЗИНСКИЙ ТЕАТР.

Русский драматический театр имени Грибоедова показал недавно премьеру, пьесу Э. Рангета «Криминальное танго». Эта пьеса посвящена молодежи, трудным поискам верных дорог, выбору места в жизни. Роль матери исполняет народная артистка ГССР Т. Белоусова, отца — заслуженный артист Грузинской ССР И. Злобин, Януса — Э. Кухалишвили.

Фото А. Кавкасидзе.

ЭТИ крылатые слова Евгения Вагратионовича Вахтангова, сказанные им у колыбели советского театра, с каждым днем обретают все больший и больший смысл. Они неумолимо напоминают нам о той ответственности, которая является тяжелой и радостной ношей ложится на плечи каждого работника театра в отдельности и всех вместе взятых.

Ответственность за судьбу театра! Она начинается не в самом театре, а гораздо раньше — на учебной сцене, иными словами — в театральном институте. Как одному из работников института мне хочется начать свой разговор именно с него.

Театральный институт существует уже тридцать лет. Опыт подготовки кадров, казалось бы, успел сказаться на судьбах наших театров. Сегодня в театрах Грузии, в кино, на радио и телевидении, в других учреждениях культуры работает свыше 500 актеров, режиссеров и театроведов. Более 100 из них удостоены почетных званий. И все-таки, именно с молодежью в театре дело обстоит не блестяще. Все чаще раздаются в среде обществу недовольные голоса: «Нет у нас новых Хоравы, Анджапаридзе, Чхендзели...».

Положим, ставить вопрос в такой плоскости неправомерно, так же неправомерно, как ставить его подобным же образом в других, родственных театру областях — в литературе, музыке, живописи. Пусть каждый будет самим собой и ни на кого не походит. Речь не об этом. Речь идет о том, что, прислушавшись к критике общественности, мы не можем не ощущать беспокойства за будущее нашего национального театра. Будущее это — в руках молодежи!

Тревога часто обнаруживается еще в период приемных экзаменов. С сожалением приходится признать, что за последнее время резко пал художественный, эстетический уровень абитуриентов, подающих заявления в театральный вуз. Горько писать об этом, но это факт. Никогда прежде не приходилось нам, работникам театрального института, с такой тщательностью и кропотливостью искать одаренных, профессионально пригодных абитуриентов для отбора — они сами шли к нам непрерывным потоком. У института был простор в выборе. Сегодня мы ездим по районам, ищем по школам и драматическим кружкам, проводим целый ряд мероприятий, чтобы найти действительно достойных. Поиски не всегда увенчиваются успехом. При большом конкурсе мы чаще сталкиваемся с людьми «случайными». В чем тут дело? Перевелись таланты? Но ведь нет такого «измерения», которое могло бы подтвердить это положение.

Повинна ли школа, которая недостаточно развивает эстетические вкусы учащихся? Возможно! Ведь не секрет, что на приемных испытаниях мы сталкиваемся с невероятными фактами в процессе собеседования. Даты жизни И. Чавчавадзе относятся к XVII веку, а возникновение художественного театра — к эпохе Возрождения. Это — примеры адюзные, согласна. Но и «рядовые» не лучше. Абитуриенты не зна-

ют имен крупнейших морфеев театра, не слышали о Станиславском, не читали его книги «Моя жизнь в искусстве», не знают о Пиромани. И хочется крикнуть в таких случаях: а что вы делали семнадцать лет?! Может быть, изменились «границы» потребностей учащихся, и век техники диктует молодежи иные вкусы? Или родители ориентируют своих детей на более «утилитарные» профессии? Или сказываются на молодежи те вредные тенденции, которые в определенный период времени насаждались в нашем быту и сводились к неумному противопоставлению профессионального и самодеятельного искусства и ничего, кроме ущерба, не принесли профессиональному театру?

ТРУДНО ответить на все эти вопросы категорично с тью. В каждом из них есть свой резон, и каждый из них

Когда-то У. Чхендзе называл Тамару Чавчавадзе знаменосцем театра. Само сочетание этих двух слов — «театр» и «знаменосец» — уже таило в себе огромный смысл и сразу определяло то место, которое занимал в жизни и театре актер.

Есть ли среди нашей театральной молодежи такие знаменосцы? Занимает ли театр место трибуны в жизни современника? Несет ли искусство театра своему народу вечный, неутомимый, торжественный праздник?

Разумеется, нельзя ставить глашатаем, ни знаменосцем, ни трибуной в пьесах «комнатного», узкого масштаба, в пьесах скрипучего, серого бытописательства, в пьесах — «карликах». Нельзя добиться этого и в пьесах большого, широкого дыхания, если «принижены» они до «комнатных», семейных драм. Ведь не секрет — любую пьесу можно сыграть

С ХУДОЖНИКА СПРОСИТСЯ

не исключает ответа утвердительного. Сумма ответов заставляет бить тревогу.

Но, рассуждая о причинах, в известной мере снизивших интерес молодежи к театральной профессии, невольно приходишь к мысли о том, а не повинны ли в этом и сами театры, во многом утратившие свой авторитет у молодежи. Театры, которые не всегда выпускают на свои подмостки высококачественную продукцию, порождая тем самым червоточину в сердцах зрителей, вызывая к себе недоверие.

Возможно, я утрирую, сгущаю краски. Но, право же, есть доля истины в том, что в жизни нашего театра произошло снижение критерия художественности, что театр, как говорится, перестал быть властителем дум молодого поколения.

Совсем недавно ко мне обратилась редакция журнала «Театр» с просьбой написать для них статью о лучшей актерской работе прошедшего сезона. Речь шла не просто о хорошо сыгранной роли, а о роли выдающейся. Я долго думала над тем, о ком бы написать мне статью. Мысль неизменно вертелась вокруг Антигоны — З. Кверкхладзе. Но роль эта была сыграна ею не в прошлом, а в позапрошлом сезоне, а условно четко было сформулировано в письме. Статья я так и не написала — не было этой выдающейся актерской работы. Чуть хуже — чуть добротнее. Границы размаха оказались невелики. И думалось невольно: а ведь было время, когда сыгранная роль становилась действительно событием в жизни театра и в жизни общественности. Каждый сезон приносил эти события. Отелло, Яго, Луарсаб, Тинибег, Мать в пьесе К. Чапека, Бабушка думбадзевского Зурикели... Разве перечислить этих героев, одно упоминание имен которых безошибочно рождает ассоциации с актерской индивидуальностью, их создавшей.

«Гамлета» и «Лира» можно превратить в семейную драму, из «Ревизора» сделать фарс, а «Чайку» осмыслить и впрямь как комедию. Все дело в позиции художника, в его подходе к раскрытию пьесы и ее образов, в его желании и умении найти в них (или не найти!) социальный, подлинно гражданский смысл. Вспомните, ведь именно с этих позиций велась в течение нескольких лет полемика вокруг театра имени Руставели. Критика театра была продиктована глубокой заинтересованностью его судьбой, обеспокоенностью тем же тенденциями, которые отметились в жизни коллектива и уводили его порой с позиций высокой гражданственности. толкали на путь развлекательства, поверхностного решения спектаклей, снижения общего уровня постановок.

Жизнь показала, на чьей стороне была правда. Сегодня и сам театр гораздо критичнее относится к своей работе, нетерпим к промахам. А промахи недавнего прошлого нет-нет да и дают еще о себе знать. И даже в хороших спектаклях вдруг обнаруживаются курьезы. Вот к примеру «Мещане». Как неправомерно был разрешен в спектакле конфликт между мещанами и немещанами! Ведь в образе Нила было утрачено то основное, что делает этот образ исключительным явлением в русской драматургии. И разве не курьез, что образ горьковского Нила на сцене театра имени Руставели прозвучал гораздо менее современно и менее по-граждански, нежели образ Антигоны в так называемой интеллектуальной драме Ануя?

Все дело в позиции художника. Есть ли она у каждого из нас? Нельзя работать в искусстве вообще. Нельзя его любить вообще. Надо знать, ради чего ты работаешь, какие исповедуешь принципы, куда стремишься, что любишь и чего не любишь в искусстве. И этому надо учиться всю жизнь — с начала и до конца!

ТЕАТР — это коллектив единомышленников. И когда актер или режиссер приходит в коллектив, он должен знать, почему он пришел именно в этот, а не в какой-либо другой коллектив. Известно, как не поправился К. С. Станиславскому и Вл. И. Немировичу — Данченко В. И. Началов, когда он впервые переступил порог Художественного театра. Они не приняли его в труппу, но предложили ему остаться и присмотреться, чтобы понять суть и принципы нового творческого коллектива. Качалов действительно присматривался, постигал для себя неведомое, и, когда постиг, руководители театра открыли ему двери театра. Пример из области классики, согласна. Но именно в силу своей исключительности он заставляет нас глубоко задумываться над многими нерешенными проблемами внутри теат-

ра. Часто из года в год актеры сидят на нагруженных работой. Да и можно ли удовлетворить всех сполна? Неравномерность загрузки зависит и от неверной расстановки кадров в наших театрах. Недавно мне пришлось заняться простой статистикой и подсчитать, как распределяются студенты-выпускники, удовлетворяет ли институт потребности районных театров. И вот что оказалось: по далеко не полным сведениям за последние годы из пятидесяти выпускников, направленных комиссией по распределению в Сухуми, Батуми, Зугдиди, Цхинвали, Телави, Гори и другие театральные города республики, 16 оказались в театре имени Руставели, 12 в театре имени Марджанишвили, 7 на киностудии, остальные — в грузинском ТЮЗе, в Руставском театре, в филармонии. Разве недостаточно для выводов? И что делать театрам в районах республики? Ведь именно там выпускники — профессионалы могли принести огромную пользу и гораздо меньшую здесь, в театрах столицы, где многие из них сидят фактически без дела, как говорится «на выходах». А где же чувство ответственности за судьбу этих людей? Ведь они творческие люди. В стенах института на них возлагались надежды. А сегодня я с сожалением листаю программы — редко появляются в них фамилии Г. Габуния, Р. Пармузашвили, З. Бацелашвили, О. Пиранишвили, Б. Ципурия, Т. Сисаури, Л. Кевлишвили, Д. Улишашвили, З. Григорян. Пр. Книжидзе, Е. О. Павловой и многих, многих других — всех не перечислить. Что они делают? Над чем трудятся? Какие исповедуют принципы? И речь идет не просто о незагрузке молодых актеров (целью нагрузить всех равномерно при перегрузке труппы), а о нивелировке призвания, о снижении требовательности, о потере профессии. Имеем ли мы право на это?

С художника спросится! Мы адресуем эти слова к молодежи. И говорим — дорогу молодежи. Надо лишь подумывать глубже над тем, а все ли мы делаем для того, чтобы дорога была не то чтобы гладкой, нет, но проходной?..

Етери ГУГУШВИЛИ.